

БГБ ОД

І В К-Н 2001

На правах рукописи

ИВШИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ УДМУРТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ XIX - ПАЧАЛА XX ВВ.**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Ижевск 2000

Работа выполнена на кафедре этнологии и регионоведения Удмуртского государственного университета

Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор *В.Е.Владыкин*

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор *А.А.Петраков*;
кандидат исторических наук,
доцент *Л.А.Волкова*

Ведущее учреждение – Пермский государственный университет

Защита состоится «17» октября 2000 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К 064.47.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Удмуртском государственном университете.

Адрес: 426034, г.Ижевск, ул.Университетская, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан « 16 » сентября 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного Совета
кандидат исторических наук

Г.Н.Журавлева Г.Н.Журавлева

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Проблема женщины в обществе, включающая целый спектр исследовательских направлений, остается актуальной на протяжении нескольких веков. Своим возникновением «женский вопрос» обязан еще XVIII веку. Социальные и политические процессы современности поставили проблему статуса женщины в ряд наиболее напряженных и дискуссионных. Проблема статуса женщины в традиционной культуре вообще, и удмуртской в частности, приобрела особую актуальность благодаря возникновению и развитию в 80-х – 90-х гг. XX в. гендерных исследований, начинавшихся именно как «исследования проблем женщин» (“women’s studies”). По сравнению с “women’s studies”, где единственным объектом внимания являлась женщина, гендерные разработки представляют собой качественно новый этап в общенаучных исследованиях. Во-первых, гендерные исследования уловили и обозначили существенную и, как оказалось, острую проблему пола и актуализировали её для науки. Во-вторых, гендерные исследования изменили и продолжают изменять взгляды на пол как таковой, четко разграничив пол как биологическую данность (sex) и пол как социальный конструкт (gender). Поэтому значимость выбранной темы заключается в том, что ее следует рассматривать не только в рамках становящегося пресловутым «женского вопроса», но прежде всего в русле гендерных исследований.

Актуальность темы определяется также тем, что изучение статуса женщины в традиционном обществе крайне важно для решения проблем женщины, а шире – социогендерных проблем, в условиях современной ситуации кризиса, охватившего все уровни общества от регионального до глобального. Тема принадлежит к области неисследованных проблем в удмуртской этнографии. Анализ места и роли женщины в различных подсистемах традиционного общества удмуртов выступает необходимым условием комплексного изучения этноса.

Цели и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования – определение и анализ статуса женщины в удмуртском традиционном обществе. Определение статуса женщины понимается в большей мере как описание ее положения в системе социальной половозрастной иерархии.

В свете вышеизложенного задачи исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. Выявить роль женщины в системе гендерной сегрегации традиционного хозяйственно-бытового уклада удмуртов.
2. Рассмотреть имущественное и правовое положение женщины в традиционном удмуртском обществе.

3. Определить роль и место женщины в культовом пространстве традиционного удмуртского общества.

Женщина как социальный пол (gender) рассматривается в качестве объекта исследования. Предмет исследования – гендерные женские характеристики и роли в удмуртском варианте традиционной культуры. Иначе говоря, как предмет изучения можно выделить функционирование гендера «женщина» в различных сферах традиционного общества удмуртов: экономике, правовой сфере, культовом пространстве.

Обозначенные в теме хронологические рамки определяются двумя основными факторами. Во-первых, тем, что используемый в работе источник материал позволяет производить наиболее точный анализ проблемы и делать наиболее достоверные выводы со времени рубежа XVIII - XIX вв. (нижняя граница). Во-вторых, непосредственным функционированием традиционного крестьянского общества до 30-х гг. XX в., то есть до разворачивания коллективизации, которая начала активно модернизировать удмуртскую этническую среду (верхняя граница).

В методологическом плане работа опирается:

во-первых, на исследования социального, экономического, правового положения женщины в традиционном обществе, проводившиеся в рамках общинно-семейной тематики на материалах русской традиционной культуры, а также на исследования, специально посвященные проблеме статуса женщины в доиндустриальном обществе (работы Т.А.Бернштам М.М.Громыко, Н.А.Миненко, В.А.Александрова, Н.Л.Пушкаревой и др.);

во-вторых, на теоретико-методологические разработки известных отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам знаковых систем, а применительно к теме женщины – проблемам женщины (гендера) как символа и знака в архаических культурах (исследования В.В.Иванова, В.Н.Топорова, А.К.Байбурина, Т.В.Цивьян, Я.В.Чеснова, А.Л.Топоркова, Н.А.Криничной, Н.А.Лавонен, И.Н.Гемуева, М.Элиаде);

в-третьих, на гендерные («гендер-содержащие») разработки последних лет (исследования L.Stark-Arola, S.Aro, Е.А.Здравомысловой О.М.Здравомысловой, Т.Б.Щепанской и др.).

В качестве опорных методологических принципов в работе использованы системный подход к изучению элементов культуры и их комплексный анализ. Системный подход подразумевает изучение женщины как одного из элементов в системе этнической культуры удмуртов. С другой стороны он определяет необходимость комплексной характеристики гендера «женщина» как сложной социально-психологической системы. В качестве нового методологического приема в ходе исследования был использован гендерный подход. Суть гендерного подхода к проблеме статуса женщины заключается в том, что гендер (социальный пол) «женщина» или «мужчина» представляет из себя не просто социальную роль. Гендер нужно рассматривать как своеобразную «суперроль» (Е.А.Здравомыслова), пронизываю

щую все остальные социальные роли и имеющую конкретную этническую окраску.

Из обширного комплекса методов, применяемых в работе, выделяются, в первую очередь, классические методы полевой этнографии – опрос и непосредственное наблюдение, которые использовались в сочетании с сравнительно-историческим подходом к объекту и предмету исследования и частично с методом ситуативного моделирования.

Источники. В ходе изучения поставленной проблемы был привлечен широкий круг взаимодополняющих источников, для удобства исследования разделенных на несколько групп. *Первую* составляют опубликованные исследования ученых XVIII – начала XX вв., посвященные этнографии удмуртов, а также сообщения представителей местной светской и церковной власти о жизни и быте коренного населения края. Большинство научных исследований XVIII – начала XX вв. выступают как комплексные описания этноса (И.Г.Георги 1766; Н.П.Рычков 1770; П.С.Паллас 1788; Г.Ф.Миллер 1791; Д.Н.Островский 1873; В.С.Кошурников 1880; В.Бехтерев 1880; Г.А.Потанин 1884; Г.Е.Верещагин 1886; 1895; 1886; И.Н.Смирнов 1890; Н.Тезяков 1892; В.Н.Харузина 1898; С.Крекнин 1899; И.М.Катаев 1901; П.П.Иифантьев 1908; П.Н.Луппов 1914). Наряду с работами общего плана, были привлечены специализированные исследования по различным проблемам удмуртской этнографии: обычное право удмуртов (М.Н.Харузин 1883; П.М.Богаевский 1887, 1888; В.П.Тихонов 1891); обряд и его функционирование (Н.Брызгалов 1884; П.М.Богаевский 1896; С.Багин 1897; И.Васильев 1902; М.Хомяков 1911; Г.Е.Верещагин 1911; 1998а); мифология и верования удмуртов (Б.Гаврилов 1880; 1891; Н.Г.Первухин 1888-1890; П.М.Богаевский 1890, 1892; Г.Е.Верещагин 1896; Н.М.Блинов 1898; К.Жаков 1902; И.Васильев 1906).

Ко *второй* группе источников относятся архивные материалы. В ходе работы над диссертационным исследованием были использованы документы Центрального государственного архива УР (ЦГА УР), Государственного архива Кировской области (ГАКО), архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УрО РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива Русского Географического общества (АРГО). Использованные архивные материалы составляют ведомости, циркуляры, отчеты чиновников различных государственных департаментов центрального и регионального уровней, многочисленные документы судебных разбирательств, в основном, имущественного характера, а также сообщения корреспондентов РГО и отчеты священников.

В *третью* группу источников входят материалы автора, собранные в течение семи лет (1993-1999) в Глазовском, Красногорском, Ярском, Юкаменском, Алнашском районах Удмуртии. Представленные сведения дают возможность проникновения «на глубину» 60-х – 70-х гг. XIX в.

Четвертую группу источников представляют фольклорные материалы, нашедшие свое отражение в работах Г.Е.Верещагина, Б.Гаврилова, Н.Г.Первухина, П.М.Богасевского, К.П.Герда. Их дополняют современные сборники фольклорных текстов, составленные Н.П.Крапиной (1960, 1976, 1995), Т.Г.Перевозчиковой (1982, 1987, 1991), Э.А.Гейвандовым (1995).

Пятая группа источников, имеющих важное значение, - этнографические коллекции музеев. При работе были использованы вещи из коллекции Глазовского краеведческого музея, музея исторического факультета ГГПИ а также исторического факультета УдГУ.

Степень изученности проблемы. В ряду имеющихся научных работ и исследований, охватывающих период со второй половины XVIII по XX вв., практически отсутствуют работы, в которых бы женщина являлась специальным объектом, тем более - предметом, изучения. Исключение составляют единичные исследования (А.И.Михайлов 1927, Н.И.Шутов 1995). Проблема женщины в традиционном обществе удмуртов рассматривалась только в контексте общей характеристики этноса, тема женщины оставалась как бы растворенной в кругу других, более очевидных вопросов.

Диапазон оценок роли и места женщины в удмуртском традиционном обществе, представленный в исследованиях XVIII - начала XX вв., достаточно широк. Он колеблется от резко отрицательных характеристик женского поведения до признания общественного равноправия женщины. Положение женщины-удмуртки в семье и обществе не являлось отдельным предметом изучения, однако в большинстве этнографических исследований XIX в. особо подчеркивалось, что «женщина в вотской семье не играет той приниженной роли, какая выпадает на ее долю у инородцев. Напротив, мужья... относительно всего, что предпринимают, советуются с ними» (Вятские губернские ведомости. - 1884. - № 101. - С. 3).

В 20-е - 30-е гг. XX в. проблема места женщины в традиционном обществе удмуртов нашла отражение в работах многих этнографов, однако теперь не была вычленена в качестве отдельного предмета для научного анализа. Женская тематика рассматривалась в работах этого периода в контексте проблем социального развития и эволюции семьи (М.О.Косве 1931), общей характеристики этноса (В.А.Максимов 1925; М.Маркело 1929), гендерной характеристики религиозно-обрядовой сферы, сферы материальной культуры (М.Худяков 1920; А.И.Емельянов 1921; П.Н.Луппо 1927; А.Пинт 1931; К.П.Герд 1993).

Среди исследований этого периода особый интерес представляет монография А.И.Михайлова «Вотячка» (1927). Интересна она прежде всего тем, что это первая попытка комплексного исследования положения женщины в удмуртском традиционном обществе. Особенностью научных работ 20-х - 30-х гг. по проблеме места женщины в традиционной культуре удмуртов является то, что большинство этих разработок типологически близки дореволюционным исследованиям. Они несут в себе богатей

ший фактический материал, что позволяет использовать их, в первую очередь, в качестве источника.

Новейший этап удмуртской историографии является самым ярким периодом изучения «женской темы». Различные аспекты статуса женщины в удмуртском традиционном обществе нашли свое отражение в работах искусствоведов, историков, этнографов. В исследовательской литературе 60-х – 90-х гг. XX в. можно выделить несколько крупных тематических разделов, внутри которых получила то или иное решение проблема женщины. Необходимо учитывать, что при этом все исследования в определенной мере содержали и выражали идею гендерного разделения различных сфер жизни.

1. Творчество и женщина.

Анализ женских занятий и ремесел как следствие гендерной сегрегации в сфере прикладного искусства выступал предметом исследований таких авторов, как В.Н.Белицер (1951), Л.И.Савельева (1975, 1976); К.М. Климов (1979), И.С.Королева (1979), И.А.Косарева (1991). Изучению женской символики и семантики в народном творчестве удмуртов посвящены работы К.М.Климова (1988, 1999), П.А.Орлова (1999), Т.Г.Владыкиной (1998). Третий аспект в искусствоведческих разработках женской проблематики заключается в анализе творчества отдельных мастериц – носителей этнических традиций в искусстве, с одной стороны, и умеющих выразить яркие индивидуальные черты, с другой (К.М.Климов 1979, 1994).

2. Проблема женщины в сфере культа рассматривается многими исследователями. В ряду авторов, уделяющих внимание характеристике женских образов удмуртской мифологии и проблеме гендерного разделения в области мифа, необходимо отметить, прежде всего, В.Е.Владыкина (1994), а также Л.А.Молчанову (1999). Заметное место среди современных разработок по обозначенной проблеме принадлежит исследованиям Н.И.Шутовой (1994, 1995), в которых женщина выступает как полностью самостоятельный объект и предмет научного анализа. Работы Н.И.Шутовой можно считать первой попыткой в современной удмуртской историографии дать всестороннее определение статусу женщины древнеудмуртского (архангелского) общества. К одной из наиболее разработанных можно отнести тему женщины в контексте семейной и календарной обрядности удмуртов, которой посвящены исследования Л.С.Христоролюбовой (1984, 1992, 1993) и Е.В.Поповой (1992, 1998).

3. Право и женщина в традиционной культуре удмуртов.

Тема правового и имущественного статуса женщины в традиционном обществе удмуртов особенно широко представлена среди различных исторических и этнологических исследований. В целом круг работ, посвященных этой проблеме, включает изучение правового положения женщины в рамках общезнаменитых характеристик (К.И.Козлова 1964), в рамках семейно-общинной тематики (М.В.Гришкина 1981, 1985, 1996;

Л.С.Христолюбова 1990, 1992, 1993; Г.А.Никитина 1991, 1993, 1997; Л.И.Семенова 1996), а также в рамках исследования обычного права удмуртов (Г.И.Обухова 1985; Ю.В.Александров 1998).

В любом случае, однако, основное внимание уделяется исследованию того контекста (пространство – семья, община, этнос либо система взглядов), который обуславливает права и обязанности человека (в данном случае женщины).

Научная новизна. Предлагаемое исследование является первой попыткой комплексного этнологического анализа места и роли женщины в традиционном обществе удмуртов XIX – начала XX вв.. В ходе работы впервые рассматриваются многие сюжеты, связанные с изучением уровня феминной насыщенности различных сфер традиционного удмуртского общества: хозяйственно-бытовой, правовой, культурной. Выявляются новые направления, затрагивающие отдельные вопросы имущественного и общественно-правового статуса разных социально-возрастных категорий женщин в удмуртской семье и общине. В рамках диссертации анализируются не исследовавшиеся ранее аспекты, принадлежащие к кругу проблем женского ритуально-мифологического пространства.

Диссертация вводит в научный оборот новый полевой материал, собранный с учетом целей и задач исследования.

В диссертации также впервые применен гендерный подход к исследуемой проблеме, который позволяет, во-первых, рассматривать пол как социокультурную, а не биологическую категорию и, во-вторых, определять равноправие полов в качестве предмета для научного анализа. Таким образом, изучение статуса женщины в традиционной культуре удмуртов в рамках гендерного подхода расценивается как исследование одной из двух равноправных категорий.

Научно-практическая значимость исследования состоит прежде всего в возможности обратить внимание на сущность гендерных проблем, а также, что очень важно, обозначить истоки и проследить их эволюцию. Важнейшим фактором значимости этой работы является её востребованность, возможность применения материалов и результатов теоретического анализа на практике: включение основных положений исследования в учебные курсы, программы вузов, использование данной разработки при создании обобщающих работ по гендерной, этнографической тематике комплектовании и оформлении музейных фондов и экспозиций. На основе наблюдений и выводов, представленных в работе, возможна разработка практических рекомендаций и программ регионального и государственного значения по решению современных проблем семьи, пола и, в частности «женского вопроса».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования получили свое отражение в 14 публикациях. Различные сюжеты работы доложены автором на конференциях регио-

нального и международного уровня в Глазове (1997, 1999), Ижевске (1997, 1998, 1999), Сыктывкаре (1997), Самаре (1998, 1999), Тобольске (1999).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры этнологии и регионоведения Удмуртского государственного университета.

В структурно-композиционном плане диссертация состоит из введения, четырех глав, соответствующих основным проблемно-целевым направлениям исследования, и заключительного раздела.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, научная новизна и практическая значимость работы, определяются объект, предмет и хронологические рамки диссертационного исследования, ставятся цель и задачи, дается характеристика методологии и методов, а также степени изученности проблемы в исследовательской литературе.

Первая глава посвящена истории и теории гендерных исследований, в главе также дана характеристика гендерного подхода, использованного при анализе проблемы. Включение этой главы в общий контекст диссертационного исследования представляется необходимым в плане актуализации исследуемой темы, которая разрабатывается в рамках гендерной концепции. Анализ истории гендерных исследований позволяет выявить современный уровень их развития, а также локализовать выбранную тему в пределах концепции.

В первом разделе рассмотрена история появления «женского вопроса», охарактеризованы истоки феминизма, а также основные направления женского движения периода первой волны (XIX – сер. XX вв.). Вопрос о правах женщин приобретает общественную актуальность и остроту в эпоху Нового времени. Особенно усиливают значимость проблемы буржуазные революции, провозгласившие свободу и равенство всех и каждого от рождения. При этом женщины не попадают в категорию «свободных и равных», так как патриархатная культура в качестве «каждого свободного и равного» человека признает прежде всего мужчину. Отказ в правах приводит к возникновению движения в защиту политических прав женщин – феминизма (сер. XIX в.). В русле феминизма первой волны развивается несколько направлений: социальное, суфражизм, левый феминизм. Реальные успехи женского движения заключаются в том, что именно в этот период женщины европейских стран и США получают избирательное право. Однако в целом феминизм XIX – первой половины XX вв. мало изменил status quo в отношениях между полами.

В научно-исследовательском аспекте именно XIX век стал отправной точкой в исследованиях «женского вопроса». Было признано, что женщина не всегда имела более низкий по сравнению с мужчиной общественный статус (Л.Г. Морган, Ф.Энгельс). В психологическом и физиологическом

плане женщина считалась столь же совершенной, что и мужчина (Г.Плосс). Однако приоритетной сферой психической деятельности женщины по-прежнему признавались чувства, а не ум. Женщина продолжала оставаться за рамками мужского социума, логики, морали, определялась как материя, стремящаяся достигнуть совершенства мужчины (О.Вейнингер).

Во втором разделе анализируется историческая ситуация периода второй волны феминизма - неофеминизма (50-е – 70-е гг. XX в.). К 50-м – 60-м гг. общество и женское движение подошли к тому барьеру, преодоление которого означало новый качественный уровень в понимании проблем пола. Феминизм стал постепенно приобретать прочную научную основу. Одной из базовых научных концепций во взглядах на пол являлась концепция биологического фундаментализма. Ее сторонники придерживались точки зрения, согласно которой половая сегрегация есть универсальный биологический процесс, который культура лишь закрепляет. Наиболее ярким выражением концепции стала теория «взаимной дополнителности полов» Т.Парсонса и Р.Бэйлза. Ученые утверждали, что как бы ни вовлекалась современная женщина в общественную жизнь, женская роль продолжает корениться прежде всего во внутренних делах семьи. В отечественной науке аналогом концепции Парсонса-Бэйлза можно считать теорию В.А.Геодакяна, разработанную им в русле теории эволюции информационных систем.

Одним из первых ученых, преодолевших андроцентризм и биологический фундаментализм во взглядах на пол, была М.Мид. Она доказывала, что врожденного разделения мужских и женских ролей не существует, а обретение пола есть процесс внедрения традиционных стереотипов феминности и маскулинности. Культурно-историческая детерминированность феминных и маскулинных характеристик стала основным предметом исследований Симоны де Бовуар, по убеждению которой в социокультурном плане женщина совершенно тождественна мужчине. Такая тождественность определяет возможность автономного существования женской личности, которое С. де Бовуар называет «подлинным существованием» женщины.

Отличительной чертой неофеминизма стало формирование междисциплинарного исследовательского направления – “women’s studies”. В 70-е гг. повсеместно в западных университетах возникают центры «женских» исследований, а затем разнообразные курсы по «исследованию проблем женщин» включаются в программы вузов Западной Европы, США и Канады. Первенство в феминистских разработках периода “women’s studies” принадлежит зарубежным исследователям (Э.Рид, П.Сэнди, А.Шлегель, Ш.Ортнер, Э.Арднер, К.Уайт, А.Сприн).

Третий раздел посвящен анализу гендерного подхода к проблеме женщины. К 80-м гг. исследовательский потенциал “women’s studies” оказался исчерпан. Выход из ситуации тупика был предложен социологами и

состоял в принципиальном разведении понятий биологического и социального пола, имеющих в англоязычной науке два разных названия – sex и gender. Появилась новая фундаментальная исследовательская категория “gender”, что, в отличие от понятия “sex” (биологический пол), стало рассматриваться как социокультурный пол. Приоритет в создании гендерной концепции принадлежит западным ученым: И.Гоффману (“Gender display”, 1976), Г.Рабин (“The Traffic in Women: Notes the Political Economy of sex”, 1975), М.З.Розальдо (“Politics and Gender in Simple Societies”, 1981), К.Уэсту и Д.Зиммерману (“Doing Gender”, 1997). Введение понятия «гендер» должно было подчеркнуть социальный характер неравенства между полами, исключить биологический детерминизм во взглядах на пол.

Среди отечественных исследований в настоящее время основное внимание уделяется разработке гендерного подхода в следующих сферах:

1) теория гендера и сфера социологических исследований. Направление получило наибольшее развитие, что подтверждает актуальность гендерных проблем в России и свидетельствует о необходимости их разрешения. Работы по теории гендера носят, в основном, переводный характер и имеют ведущей целью адаптацию гендерной концепции в российском научном пространстве (Н.Л.Пушкарева 1998, 1999; Г.Г.Силласте 1992, 1995, 1997; Н.М.Римашевская 1997, 1999; О.М.Здравомыслова 1997, 1999; Е.А.Здравомыслова 1999).

2) Сфера культурологии становится одной из самых перспективных в русле гендерных разработок (Т.А.Клименкова 1991, 1993, 1996; О.А.Воронина 1989, 1990, 1993; С.И.Голод 1996, 1998; И.С.Кон 1988, 1989, 1997).

3) Гендер и право (С.В.Полетяна 1989; Е.В.Иванова 1999; З.А.Хоткина 1999).

4) История феминизма и гендерных исследований (С.Г.Айвазова 1989, 1992, 1997).

Гендерная концепция включает несколько базовых категорий, скрепленных общим понятием гендера. Значительная часть третьего раздела посвящена определению некоторых понятий, входящих в теорию гендера: гендерный дисплей, гендерная система, гендерный баланс, гендерная картина мира, гендерная доминанта сознания.

Во второй главе рассматриваются место и роль женщины (кышно-мурт – букв. «женщина-человек»). Ср. кыч – «хомут, обуза») в системе гендерной сегрегации хозяйственно-бытового уклада удмуртов, проводится анализ имущественного и производственного вклада женщины в общесемейное хозяйство. При этом анализ имеет многоуровневый характер, связанный с тем количеством социальных ролей, которые играет женщина в каждый конкретный период жизни: дочь (ныл), невеста (выль кен, бызёно ныл), молодушка (выль кен), хозяйка (кузё-кышно).

Первый раздел посвящен характеристике приданого невесты, а также анализу калымных отношений у удмуртов. Приданое невесты (придано пирдан) являлось своеобразным «вступительным взносом» женщины в семейное хозяйство и одновременно ядром, из которого формировалось личное имущество замужней женщины, обеспечивающее ее статус. Это реальная предметная основа, определяющая степень будущей экономической независимости женщины внутри семьи. В составе приданого достаточно четко выделяются две основные составляющие: предметы быта, а также скот и домашняя птица. Внутренняя структура «бытовой» части приданого представляет собой три блока:

1) постельные принадлежности (валес котыр). Особое значение имела льняная (ситцевый) полог – ын. Полог выделял индивидуальное пространство брачной пары внутри большой семьи (внутри кеноса), обозначал границы интимных отношений, проникновение в тайну которых было табуировано.

2) Одежда и обувь для себя, частично для мужа. Престижное показательное значение этой части приданого было наиболее велико. Наличие покупной одежды, шуб (шубá), сапог (сапег) свидетельствовало о благосостоянии семьи невесты, увеличивало вес семьи в общине. Количество и качество одежды, изготовленной невестой (дэрем – рубаха, шортдэрем – распахной халат, пöзь – варежки, чулká – чулки, пыдвыл – носки т.п.), выступало одним из главных критериев в оценке будущей хозяйки.

3) Предметы домашнего обихода: полотенца (чушкон), скатерти (жéкышет), покрывала (шобырет), занавески (вöзъет), половики (пыд лёгет просто куски холста (дэра). Эта часть приданого играла ведущую роль в формировании внутреннего жилого пространства дома.

Неотъемлемой частью приданого был скот (пудо) и домашняя птица (тылобурдо). Нередко количество приведенного молодуюшкой скота не превышало двух особей (телка и гусь). Это было приемлемым условием, если новая семья вливалась в состав большой (до 50 человек). Но если молодёжь собиралась жить отдельно, то такого количества скота было недостаточно для основания нового хозяйства. В этом случае обособление малой семьи самостоятельное домохозяйство происходило после того, как был накоплен необходимый «первоначальный капитал», то есть в числе прочего имущества увеличивалось и количество скота.

Приданое справлялось из личных средств матери девушки и ее самой, также из полученного от жениха калыма. Наличие в языке термина – «йыд дун», «йырдон» – свидетельство самостоятельного складывания института калыма у удмуртов. Калым занимал важное место в брачных отношениях удмуртов. С экономической точки зрения калым – возмещение расходов понесенных родителями в процессе воспитания дочери. Собственно калымом являлась лишь его часть, другая возвращалась в семью жениха вместе невестой. В этом выражалась символическая сторона калымных отношений

у удмуртов. Однако главной в выплате калыма была все же не коммуникативная, а экономическая сторона. Калым выступал как оценка имущественного и трудового потенциала семьи невесты и самой невесты. Вопрос о соотношении приданого и калыма тщательно согласовывался брачующимися сторонами при сватовстве. Калым выплачивался только деньгами. Конкретное денежное выражение размеров калыма зависело от сложившейся традиции, при этом определенное влияние на размер калыма оказывало состояние финансовой системы государства в конкретный период времени. Традиционно калым выплачивался в два этапа. Первая часть вносилась сразу после сговора между родственниками жениха и невесты. До срока окончательной выплаты калыма невесту часто забирали в родительский дом «дергать свой лен». В семьях с нехваткой рабочих рук дочь старались задержать как можно дольше. Выплата калыма в два приема могла быть обусловлена и затруднениями в семье жениха, так как выкуп собирался из общего семейного имущества. Две стороны калымных отношений – экономическую и коммуникативно-символическую – нужно рассматривать только во взаимосвязи. Взаимокompенсирующий характер приданого и калыма определил коммуникативную сторону этих отношений. С другой стороны, установление отношений между двумя ранее чужими семьями привело к тому, что приданое и калым на практике стали выступать как эквивалентный обмен. Закономерно поэтому, что никакого реального брака-покупки, при котором женщина становилась лично и экономически зависимой от мужа, в удмуртской традиции данного периода быть не могло. «Купля невесты» выступала, скорее, фольклорно-обрядовой формулой.

Во втором разделе рассмотрены хозяйственно-бытовые и производственные функции женщины-удмуртки, то есть ее трудовой вклад в жизнь и деятельность семьи и в целом общины. Величина трудового вклада наряду с размерами имущественного выступала обязательным элементом внутрисемейного статуса женщины и ее общественной оценки.

Для удобства исследования принято делить комплекс трудовых функций женщины на хозяйственно-бытовые и производственные. К первым относится обработка огорода и уход за скотом. Огород считался исключительно женской сферой приложения труда. Большая часть ответственности и обязанности по уходу за скотом и птицей лежали также на женщине. Под обязанностями женщины подразумевались, во-первых, повседневный уход за скотом; во-вторых, участие в заготовке кормов вместе со всей семьей; в-третьих, особые хлопоты хозяйке доставлял уход за молодым скотом и птицей, а также лечение и умение уберечь скотину от порчи и сглаза.

К производственным функциям женщины относят изготовление одежды (дъськут), приготовление пищи (сиён-юон), обустройство домашнего пространства (корка, корка пуш), помощь мужу в полевых работах. Функция изготовления одежды входит в более широкий круг занятий по обра-

ботке льна (етүн) и конопли (пыш). Цикл по производству одежды занимал целый год. Доля женского труда, вложенного в производство текстиля, была самой высокой, хотя в разные этапы она не была одинаковой: мужчины тоже принимали участие в начальных этапах обработки льноволокна. Начиная с момента переработки тресты (куж) в кудель (мертчан) в выделку текстиля участвовали только женщины. При этом варьировалось участие женщин разных возрастов и категорий в различных видах работ. Сеяли лен обычно старики (мужчины и женщины). Прядением нити (черсон) занимались в основном девушки, которым нужно было приготовить приданое, и молодухи. Художественное рукоделие (пужыятон) было также отдано на откуп девушкам. Основные работы по тканью (куон) и шитью одежды (дүськут вурон) выполнялись взрослыми женщинами (хозяйка, снохи). Не обходимо отметить, что обработка льна выступала важнейшим атрибутом социализации женщины. К рукоделию девочек приучали с 6-7 лет, первый холст поручали выткать в 11-12 лет. Качество нити и холстов подвергалось строгой оценке в женском сообществе во время посиделок (пукон корка нардуган), обряда мытья мотов пряжи (шорт миськон), смотрин невесты (невеста учкон, эскертон).

Приготовление пищи являлось исключительно женской обязанностью. Основное внимание во втором разделе уделено характеристике двух специфически женских занятий – выпечке хлеба (нянь) и изготовлению кумышки. Обращение к этим сюжетам в рамках изучения производственных функций женщины тем более интересно, что хлеб и кумышка (напиток галлюциноген) имеют ярко выраженный ритуальный статус.

В традиционной системе гендерной сегрегации общества женщине удмуртке принадлежал дом – пространство с самой высокой степенью освоенности. Организация этого пространства являлась гендерной задачей женщины: «Вань юртэз кышномурт уте» («Весь дом на жене держится»). Именно в форме организации основного пространства человека (дома) выявлялась роль женщины в системе общественного производства в период, обозначенный в теме исследования. В этом контексте можно говорить о высоком статусе женщины в структуре традиционного хозяйства удмуртов.

В третьей главе исследуется правовой статус женщины в традиционном обществе удмуртов.

Имущественный и трудовой вклад женщины в семейное и общественное производство стал тем фундаментом, на котором основывалось ее правовое положение. Справедливо, однако, и существование обратной связи: тот объем прав, которыми обладала женщина-удмуртка, определялся сложившейся традицией (сям – традиционное право). Для реконструкции правового положения женщины в работе использован комплекс источников, в ходе анализа которых выделено несколько аспектов, позволяющих в совокупности охарактеризовать правовое положение удмуртки.

Личную собственность женщины составляли приданое, а также доходы от продажи продуктов домашнего производства и приплода скота. Уровень обособленности женского имущества внутри общесемейного имущественного комплекса (имеется в виду большая семья) был достаточно высоким. Члены семьи имели право на пользование частью этого имущества, но в семейный раздел, проводившийся по мужской линии, оно не входило.

В традиционных правовых отношениях существовало так называемое «*право дочери*». В этот комплекс входит, во-первых, право дочери на пользование отцовским наследством. Однако это право было ограничено замужеством дочери. Исключения составляли те случаи, когда родители проживали в доме зятя либо когда отсутствовали другие наследники. Во-вторых, «*право дочери*» заключалось также в праве незамужних девушек на «вольное общение» с мужчинами. Это определялось традиционной (дохристианской) сексуальной моралью и представлениями о родильных свойствах девушки.

В качестве показателя высокого уровня правоспособности женщины в удмуртском традиционном обществе можно рассматривать ее *право на развод* (люкиськон). При этом приходится говорить, скорее, о праве женщины подать жалобу на мужа. Необходимо учитывать, что община (кенеш) в любом случае стремилась сохранить семью.

Особый интерес представляет *право женщины наследовать имущество мужа*. Общим и обязательным условием наследования женой имущества мужа было ее вдовство («пал кышно», «карттэм кышно» - вдова). Состав наследуемого имущества мог также определяться количеством прожитых с мужем лет. Важное значение имел характер наследуемого имущества: имущество, нажитое мужем и женой отдельно от большой семьи, практически полностью переходило к вдове. Вдова наследовала все «мужнино добро», если оставалась единственным наследником.

Право на землю. Вопрос о наследовании земли в аграрном обществе, как известно, является ключевым для определения правового статуса человека (гендера). Земельный надел, входивший в общесемейное имущество, наследовался только по мужской линии. Женщина имела право наследовать земельный надел мужа только в качестве исключения из правила и при сохранении тех же условий, что и в случае наследования движимого имущества. При этом требовалось учитывать способность женщины платить налоги. Надел мог перейти (очень редко) по наследству от отца к дочери. Независимо от возможностей и желания женщины община могла вынудить вдову содержать земельный надел мужа, чтоб сохранить двор как податную единицу. В этом случае женщине-домохозяйке оказывалась материальная и моральная поддержка со стороны остальных членов общины. Женщина-удмуртка имела право на пользование земельным наделом, но не состояла в числе первых наследников земли. Право на землю в случае его реализации

обеспечивало женщине выход на уровень общины. В целом женщина удмуртка выступала как правомочный член общества, обладая повышенным уровнем правоспособности и независимости.

В четвертой главе выявляется роль и место женщины в культовой сфере традиционного общества удмуртов.

Первый раздел посвящен реконструкции женских образов в мифологии удмуртов. В нем охарактеризованы две основные категории женских мифологических персонажей: богини-прародительницы и духи.

Составной частью имен богинь-прародительниц является корень «умы» – «мать», «прародительница», стоящая у начала мира и человека. У удмуртской мифологии мумы выступает одновременно как Праматерь Богиня. Связь, существующая между матерью и ребенком, мыслилась с ее мой очевидной и прочной. У каждого явления природы, по представлениям удмуртов, была мать, создавшая / родившая его. Современные источники дают возможность реконструировать лишь некоторые образы богинь прародительниц, в то время как представляется правомерным говорить в гораздо большем количестве подобных мифологических персонажей. К матерям-прародительницам относились: Иямумы – Мать неба, Вумумы – Мать воды, Иивумумы – Мать небесной воды, Шундымумы – Мать солнца, Толэзьмумы – Мать луны, Гудыримумы – Мать грома, Музьемумы – Мать земли, Пужмермумы – Мать инея, Вожомумы – Мать переходного времени, Калдыкмумы – Мать рождения. Каждая мать покровительствовала своему созданию.

Особое место в ряду богинь-покровительниц занимала Калдыкмумы. Образ этой мумы даже при скрупулезном отборе и анализе всех видов источников остается наименее ясным и рельефным. Сейчас не представляется возможным точно определить и сферу приложения интересов и усилие Калдыкмумы. С целью возможной реконструкции этого образа в работе проводится сравнение между Калдыкмумы и богом-созидателем в удмуртской мифологии Кылдысином. На родство этих персонажей указывает первую очередь общая этимология имен (кылдыны – творить, рожать, беремснетъ), а также их функциональная близость. Контролируемая Калдыкмумы сакральная сфера – воспроизведение жизни – имела высокую социальную значимость. В процессе смены материнского рода отцовским эта сфера также стала «зоной ответственности» бога-мужчины – Кылдысина. Однако через функциональное и генетическое родство с Калдыкмумы четко прослеживается женская реликтовая природа бога-созидателя. В качестве межэтнических параллелей использованы такие персонажи уральско-мифологии, как мансийская Калтац-эква и марийская Калтак. С определенной достоверностью можно говорить о существовании женской богини – Матери рождения – в удмуртском обществе периода господства материнского рода, то есть до рубежа I–II тыс. (по данным Н.И.Шутовой). Возможно, это была Великая мумы (Калдыкмумы), создавшая / родившая мир. Пр

определении места Magna Mater в общем пантеоне правомерно, думается, говорить о Калдыкумы не как о «первой после Инмара», а как о Той-Что-Была-До.

Женские мифологические персонажи, относимые к категории духов (Обыда, Египеча, Кукри-Баба), характеризуются рядом функционально-типологических особенностей. Во-первых, сферой их мифологического бытия является лес (нюлэс, чачча), олицетворяющий сопредельный мир предков и одновременно «перводом» человека. Лесные женщины-духи располагаются на «кромке» миров, охраняя «дверь» в мир предков. Во-вторых, по сравнению с мумы эти духи не обладают даром созидания жизни, напротив, они символизируют конец жизненного цикла. В-третьих, они имеют непосредственное отношение к обрядам посвящения (initiation, rites de passage) – перехода в новую социальную категорию, который расценивается как временная смерть. По отношению к человеку лесные духи-женщины обладают амбивалентностью, что является обязательным признаком инициации. По аналогии с образом Яги кажется вполне оправданным предположить, что удмуртские женские образы леса восходят к темному предку по женской линии.

Во втором разделе анализируется место женщины в пространстве и времени ритуала. В соответствии с идеями гендерной концепции время и пространство ритуала так же гендерно раскрашено, как и другие сферы деятельности человека. Раздел посвящен характеристике феминно окрашенных зон внешнего и внутреннего (обжитого) космоса в традиционной культуре удмуртов. Для выявления уровня феминизации внешнего космоса проанализировано соотношение женщины как символа с основными ритуальными каналами связи между мирами живых (та пал дунне) и неживых (со пал дунне): землей (музьем), водой (ву), огнем (тыл), деревом (писпу). Анализ выделенных линий связи позволяет говорить об их насыщенной женской символике, о том, что в традиционном ритуальном пространстве удмуртов именно женщина осуществляет связь между мирами. При этом она является не просто олицетворением, но реальным материальным воплощением каналов такой связи.

В качестве феминно насыщенных зон домашнего пространства определены и охарактеризованы матица (матница, мумыкор, эмеспикор), окно (укно), печь (гур), а также предметы домашнего обихода, объединенные в категорию сосудов, емкостей – квашня (нянь шумес), ступа (гыр), сундук (сандык) и т.п.. Семантический статус выделенных элементов малого космоса также имеет ярко выраженную женскую символику, связанную с эрическими мотивами и идеей рождения.

Ритуальный статус женщины в целом можно определить как «маркер (перехода)». В традиционной ритуальной сфере удмуртского общества женщина выступала деятельным участником, равнозначным мужчине. Но, в отличие от мужской, сущность действий женщины часто заключалась в

экстраординарности, поскольку к женской молитве прибегали как к последнему средству (при засухе, эпидемии).

В третьем разделе рассматривается ритуально-мифологическая сторона женского творчества, выявляется уровень архетипического осмысления реальной творческой деятельности женщины. В этой связи особое значение приобретают два аспекта проблемы: ритуальное переосмысление прядения и ткачества как женских занятий и архетипическое восприятие деятельности женщины по созданию внутреннего пространства дома. В первом случае архетипизация реальности состояла в том, что земной образ женщины, занятой прядением или ткачеством, возводился к образу Великой Праматери, выпрадывающей, согласно традиционным космологическим воззрениям удмуртов, «нить жизни» человека и создающей из множества отдельных нитей «ткань мира». Архетипом структурного творчества женщины по созданию жилого пространства становился космогонический акт творения и упорядочивания мира Великой Богиней. Создавая внутренний космос, хозяйка повторяла действия Мумы, сотворившей некогда мир, в котором появились боги и поселились люди. Благодаря реальному вкладу в производственно-творческую сферу жизни, а также тому, что функция творчества женщины в ритуальном сознании прочно связывалась с рождением и творением жизни женщина наравне с мужчиной выступала творцом культуры.

Роль и место женщины в культовой сфере определялось представлениями о женском и женщине как об Изначальном. Такие представления могли сложиться только в эпоху материнского рода, а необычайно высокий культовый статус женщины-удмуртки, удивлявший исследователей XIX и XX вв. - свидетельство сохранения в культуре архаических структурных компонентов.

В заключительной части работы подводятся общие итоги, а также высказываются некоторые предложения, касающиеся проблемы определения и оценки статуса женщины в традиционном обществе, в том числе и удмуртском.

Тема женского и женщины в традиционной культуре удмуртов имеет достаточно широкие исследовательские горизонты. Значительные перспективы представляет исследователю гендерный подход, который не только даст возможность более широкого взгляда на проблему, но и удачно дополняет активно используемый комплексный метод исследования. В качестве примеров исследовательских проблем будущего можно привести небольшое количество тем: изучение феминизированных зон в традиционной картине мира удмуртов, проблемы гендерной сегрегации в обрядовой практике, анализ женской составляющей в системе календарных обрядов удмуртов, изучение различных аспектов женского творчества, производственной деятельности и т.п..

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Социальный статус женщины в традиционном обществе бесермян и удмуртов // История и культура финно-угорских народов. Материалы международной студенческой научно-практической конференции. – Глазов, 1997. – С. 36-39.

2. Женщина в культовой сфере традиционного общества бесермян и удмуртов // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Ижевск, 1997. – С. 41-43.

3. Семантическая пара «женщина – печь» в традиционном мировоззрении удмуртов и бесермян // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. – Ч. 2. - Глазов, 1997. – С. 54-55.

4. Женские образы леса в культовом и социальном сознании бесермян удмуртов // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. – Самара, 1998. – С. 163-165.

5. Стереотипы дозволенного – недозволенного в поведении девушки традиционного бесермяно-удмуртского общества XIX – начала XX в. // Женщина и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований. Материалы традиционной (IV) Всероссийской конференции с международным участием. – Ижевск, 1998. – С. 16-18.

6. Женщина-древо как центральный элемент космической модели в мифологическом сознании удмуртов // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Тезисы докладов. – Самара, 1999. – С. 119-121.

7. Женщина в традиционной культуре удмуртов: метафизика пола / эстетик педагогического опыта. – Вып. 4. – Глазов, 1999. - С. 47-54.

8. Изучение удмуртов в контексте национальной политики российского модернизма // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. - Ч. 1. - Ижевск, 1999. - С.57-58.

9. Как ветер и дождь поспорили: место ветра в мифологической картине мира удмуртов // Диалог культур и цивилизаций: тезисы научной конференции молодых историков Сибири и Урала. – Тобольск, 1999. – С. 14-16.

10. Женщина и творчество в традиционном сознании удмуртов // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной Д.К.Зеленину. – Глазов, 1999. – С. 9-11.

11. Великая Мумы: потерянное имя // Вестник УдГУ. - 1999. - № 7. С.59-63.

12. Тёл, тёлпери но мукетыз / Кенеш. – 2000. - № 8. – С. 56-57.

13. Калымные отношения у удмуртов в XIX - начале XX вв. (в печати)

14. «Кудель бабы сеют для себя...»: женщина и лен в традиционной культуре удмуртов (в печати).